

Г. П. Козубовская

Барнаул

Система символики в романе И.С. Тургенева «Накануне»

Роман И.С. Тургенева «Накануне», вызывавший аллергию у такого критика, как К. Леонтьев в силу своей «безжизненности» и «малой художественности», заслуживает новых интерпретаций.

В этом плане плодотворны наблюдения над системой символики, проясняющей принцип «состыковки» двух планов художественной структуры: эмпирического и метафизического. «Скульптурность», «птичья символика», «запахи», вступая в сложные соотношения, обнажают метафизический план, просвечивающий через «эмпирику» бытия.

«Скульптурность» реализуется в амбивалентности смыслов, дифференцируя их в картине мира. Так, скульптор Шубин – артистическая личность, раздваивается между полюсами осмысления Красоты: понимая ее неуловимость («за красотой не угонишься»), он в то же время свое назначение «лепить форму» стремится выразить в пластике. Красота Елены – осуществленный природой идеал, красота, обретшая земные очертания, Душа, светящаяся через «косную материю». Сам Шубин – «фигляр» и Демиург одновременно (две его ипостаси объединяет общий принцип – это «человек играющий»), отдающийся «всем впечатленьям бытия», – несколько сниженный вариант «моцартианской натуры», воспринимает мир одновременно в двух измерениях, выражением чего является «двоящееся изображение» Инсарова: героическое и карикатурное (наблюдение, в свое время отмеченное Г. Бялым). «Скульптурность» рационалистичного Берсенева – антипода Шубина (человек науки, обладающий устойчивым психическим комплексом), театральна: законченные формы придают смысл «отвердевшим представлениям» (даже в созерцании природы он принимает «позы», над которыми подшучивает Шубин).

«Статуарность» Елены замыкает персонаж в композиционное кольцо: в начале романа это статуя, которой любуются, молчаливо соперничая друг с

другом (так обыгрывается семантика имени), в финале, после смерти Инсарова, – тоже статуя, «закутавшаяся в шаль», «окаменевшая». Возвращение к статуе – предварение мотива «исчезнувшего следа» Елены, символически прочитывающегося как знак отлетевшей души.

Аналогично «работает» и «птичья» символика, разветвленные смыслы которой создают общую «музыкальную» партитуру. Так, «бескрылость» Шубина, на которую намекает Берсенеv («Будешь все только крыльями размахивать и не полетишь»), обозначается в связи с Итальянским мифом: душа художника устремляется за пределы видимого, в земной рай. Достаточно прочно «птичье» увязывается с Еленой, наращивая семантику имени – Душа в редуцированной ассоциативной метафоре «крылья души». Это знаковый мотив неудовлетворенности души, томящейся по неведомому (см. запись в дневнике Елены о перелетных птицах), усиленный сравнением жизни с тюрьмой (по поводу чего автор замечает: «Душа билась, как птица в клетке, а клетки не было»). «Птичья символика» возникает в «ударных» моментах текста: именно так обозначается соприкосновение планов. Прогулка в Царицыно (15 гл.) – идиллия, нарушенная хамством пьяных офицеров, - создает условия для Поступка героя; ситуация является скрытой параллелью и аналогом «дела» Инсарова, остающегося не проявленным в романе. Идиллия «обрамлена» мотивом лодки, плывущей по озеру, напоминающей лебедя, кружащегося в воде. В эмпирическом (сюжетном) плане этот образ - предвестие скорого отъезда Елены (ср. мотив похищения в мифе), в метафизическом – близкой смерти Инсарова (поющая девушка – сирена, русалки Шубина, над которыми смеялся Берсенеv, кружение лодки – как знаки катастрофы и т.д.). Двоящийся мир в романе: Красота, переживаемая душой, гармония, явленная в один из миггов бытия, и в то же время уводящая в глубину, в инобытие, о котором, правда, пока героям не дано знать.

«Птичье» обозначается в самые кризисные моменты: тело Елены билось, как пойманная птица, во время первой болезни Инсарова – знак уходящей души. Предварение смерти Инсарова – чайка, на которую загадала Елена,

стремительно падающая вниз, - вестник потустороннего мира, отлетающая душа.

Наблюдения над текстом позволяют уточнить тезис о «закрытости» внутреннего мира Инсарова. Рационалистическая природа характера Инсарова требует особых способов его раскрытия: именно символика принимает на себя функции раскрытия души. Так, у заболевшего, теряющего контроль над собственным разумом Инсарова, «как птицы, закружились мысли», где «птичье» - отсылка к потустороннему, инобытийному. Разрушению рационального способствуют и запахи: таков, например, запах резеды, упоминаемый Инсаровым в бреде (знак присутствия Елены). Так, мифологема запаха – ключ к пониманию внутреннего мира персонажей и к тургеневской концепции природы. «Сладкий запах липы», приносящий умиротворение и блаженство персонажам в начале романа, ведет к ассоциациям природы с женщиной (одухотворенный лик природы). Эти ассоциации поддержаны другими: шорох природы подобен шороху женского платья. То и другое укладывается в семантику «опьянения», «безумия».

«Запахи» соприкасаются с «дыханием». Мифологема запаха – в сюжетном предварении смерти. Сам Инсаров в театре на представлении «Травиаты» невольно предсказал свою смерть, оценивая реакцию публики на игру молодой актрисы («смертью пахнет»); это усилено следующим эпизодом, когда ответом на вопрос арии певицы о будущем был – «глухой кашель» Инсарова.

Все три группы символов смыкаются к финалу. «Запах» как знак потустороннего, инобытийного, и голос из сна Елены, зовущий из бездны, - обозначение маргинального пребывания в мире. В авторском размышлении о трагическом устройстве жизни появляется упоминание о статуе, с которой это счастье ассоциируется, как правило, - статуя, требующая пьедестала, - счастье, построенное на чужих костях, счастье, требующее жертв.